

Виктор ШАБАЛИН

НАСТУПЛЕНИЕ НА ЯЗЫК ДАЛЯ

*В начале было Слово, и Слово
было у Бога, и Слово было Бог.*

Оно было в начале у Бога.

*Все чрез Него начало быть,
и без Него ничто не начало быть,
что начало быть.*

*В Нем была жизнь, и жизнь была
свет человеков.*

Св. Евангелие от Иоанна

В жизни отдельного человека и в существовании общества в целом большую роль играют устойчивые мнения, так называемые стереотипы. Довольно часто сложившиеся стереотипы играют отрицательную роль, так как нередко посылки, на которых они основаны, ложны. Например, когда говорят о бесконечности Вселенной, человек непременно представляет далёкие звёзды, галактики, громадные расстояния, чёрные дыры. Всё это, конечно, верно, но тем не менее этот распространённый стереотип мешает нам повнимательней посмотреть внутрь себя и вокруг себя. Неточность здесь содержится в том, что каждый отдельный индивид есть тоже своеобразная вселенная, для изучения которой не надо никуда летать, зачарованно рассматривать звёзды – вселенная гораздо ближе. Она, по сути, сконцентрирована в человеческой голове, точнее – в коре головного мозга, этом удивительном продукте многомиллионнолетней эволюции.

Случайное это совпадение или нет, но миллиарды людей кормит тоненькая земная кора, точно так же как отдельному индивиду удаётся выжить, тоже благодаря его индивидуальной маленькой коре.

Да и любое дерево неминуемо гибнет, лишаясь коры. Вот так мы и пришли к одному из предметов нашего разговора: к слову вообще и к слову «кора» в частности.

Тайны человеческого сознания едва ли будут когда-нибудь раскрыты, как и многие другие тайны Вселенной, но оставим это психологам и обратимся к исследованию такого явления, как

наш повседневный разговорный язык. Русский язык. Существует точка зрения, что точного количества слов-понятий (лексем) в русском языке подсчитать невозможно (как и число звёзд на небе). Есть предположения, что их около миллиона. В словаре языка Пушкина 24 тысячи слов – это очень высокий результат. Словарный запас среднестатистического россиянина колеблется в районе 3–5 тысяч слов. Этого вполне достаточно, чтобы жить и общаться. В лексиконе людей наподобие Элочки Щукиной* (а таких людей становится всё больше) всего несколько сотен слов. Что же всё это означает? В принципе всё просто. Слова, сложенные в речь, суть не только и не столько звуковые волны, несущие определённую семантику (смысл), они суть материальное выражение невидимой, тайной работы мозга, в том числе и на подсознательном уровне. Другими словами, никаких иных показателей работы интеллекта, кроме речи, просто не существует, учитывая, что речь может быть записана разными способами. Сказка Киплинга о Маугли весьма опасна своей абсолютной недостоверностью: мальчик, выращенный волками, никогда не слышавший в раннем детстве слов, уже ни при каких обстоятельствах не сможет ни говорить, ни думать, это просто животное, а в силу отсутствия когтей и зубов оно обречено на гибель. Вывод: разделять речь человека и его интеллект и рассматривать их как нечто существующее одно без другого – абсурд. С таким же успехом можно попытаться работать на компьютере с выключенным монитором.

Эта мысль очень проста и лежит на поверхности, но есть множество людей, которые её оспорят, ведь мало кто умеет хорошо говорить. Получается, что мало кто умеет думать, а дураком себя считать не хочет никто. Отсюда спасительная, но насквозь лживая формулировка, которую мы часто слышим и от детей и от взрослых: «Мы понимаем, но сказать не можем». К несчастью, такого не бывает. Если человек не может сказать, значит, не понимает. Когда поймёт, сразу и скажет. Представьте строителя, который говорит: «У меня нет кирпичей, но я всё равно буду складывать стену». Беда последних поколений школьников как раз и заключается в том, что у них оказалось очень мало слов-кирпичей, здание их речи (а значит, и сознания)

* Персонаж романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». Словарный запас Элочки Щукиной состоял из 30 слов и междометий.

строить, по сути, не из чего. Выяснить, почему и как это произошло, вот цель данной работы.

Какие процессы происходили на протяжении XX века в разговорном и литературном языке, что происходит с языком сегодня, как эти процессы влияют на развитие детского сознания, почему в информационный век всё меньше информации откладывается в коре головного мозга, как и из каких элементов складывается словарный запас – вот вопросы, над которыми хотелось бы поразмышлять.

Попробуем опровергнуть ещё один стереотип: «Иностранные языки нужно изучать, а русский – так как он родной – сам собой изучится». Весьма опасное заблуждение. Русскому языку, как утверждают некоторые исследователи, грозит опасность. Но она не только в том, что язык засоряется множеством неоправданных заимствований. Главная беда (используем здесь термин Л. Н. Гумилёва) – это «упрощение системы». Ибо чем сложнее система, тем она устойчивей. И ещё: если сравнить язык с океаном, необъятным и бурным, живущим по своим собственным законам, то все мы, носители языка, – это родники, речушки, реки, озёрца, тающие ледники. Одним словом, вся та вода, которая течёт сверху вниз и неминуемо пополняет океан.

При определённых условиях реки могут пересохнуть, озёрца завалят хламом, родники исчезнут, и едва ли океан от этого выиграет – он начнёт высыхать.

Разговор о проблемах оскудения русского языка следует начать с эпохи социальных катаклизмов – революций 1917 года.

Одной из особенностей советской власти было широкое наступление на язык Даля. Так для краткости мы будем называть язык, сложившийся к XIX веку. Большевики начали создавать псевдоязык, с помощью которого намеревались привить народу свою весьма сомнительную идеологию. А ведь язык – это один из краеугольных камней этноса. Убей язык – и ты убьёшь народ. Излюбленные приёмы коверканья языка новой элитой – широкое распространение чудовищных аббревиатур и слов, составленных из частей основ. Так сказать, слова-обрубки. Медленная степенная речь русского пахаря-хозяина претила новым хозяевам России. Они все куда-то бешено спешили и рубили язык по живому, по сути, обособляясь от народа, который в массе своей язык верхов не принимал и презирал. Но молодёжь впитывала.

Не прошло и пяти лет после революции, как Сергей Есенин с болью писал:

*С горы идёт крестьянский комсомол,
И под гармонику, наяривая рьяно,
Поют агитки Бедного Демьяна,
Весёлым криком оглашая дол.*

Вот так страна!

Какого ж я рожна

Орал в стихах, что я с народом дружен?

Моя поэзия здесь больше не нужна,

Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.*

Интересно, что должен делать поэт, вокруг которого звучат слова-мутанты, слова-калеки: «наркомпрос», «пролеткульт», «нэпман», «совдеп», «РСДРП(б)», «ГОЭЛРО», «ВЧК», которые вторглись на его, поэта, территорию, то есть в язык. Собственно, то, что он и делал: пил, дебоширил и в итоге убил себя. Жизнь расставила точки над «и»: Есенина многие помнят и стихи его знают, имя же Демьяна Бедного навсегда кануло в лету вместе с советизмами.

С другой стороны, множество слов перешли в разряд анахронизмов: никто уже не называл женщину «сударыня»; у россиян-мужчин до сих пор нет слова, которым можно окликнуть незнакомую девушку или женщину. У всех народов есть, а у нас, как будто мы варвары, нет. Ушло множество понятий, связанных с религией: «радуница», «богоявление», «крестный ход»; только в книгах остались слова «земство», «губерния», уже никто никого не называл «ваше превосходительство», «ваше сиятельство». В обращении людей друг к другу остались лишь безликое «товарищ» и слово «гражданин», получившее при советской власти зловещую окраску: все уголовные и политические преступники были «гражданами» и только так они могли называть своих тюремщиков: «гражданин начальник». Невероятное перерождение смысла: слово, всегда несущее в себе патриотический пафос («гражданин Минин», к примеру), превратилось в свой антипод – в обозначение ЗК и их охранников. В России до сих пор не любят это слово.

Одной из важнейших целей советской власти было затуманивание сознания при помощи собой всеобъемлющей демагогии. В соответствии с ней большая часть населения России (то есть крестьянство) считалась тёмной, невежествен-

* Стихотворение С. А. Есенина «Русь советская».

ной массой, а Россия была безграмотной страной. Этот насквозь лживый миф до сих пор бытует в общественном сознании и даже в школьных учебниках. Ещё учась в 10-м классе, автор этих строк недоумевал над логической несостыковкой: как могло случиться, что в «отсталой» стране появились учёные, давшие импульс развитию всей мировой науки XX века? Очевидно, что Лобачевский и Менделеев подготовили почву Эйнштейну, Циолковский был предтечей Королёва и Брауна, а Попов (не важен приоритет, Попов был первым или Маркони – не в этом суть) и его итальянский коллега стояли у истоков современной грандиозной системы связи. Эту логическую проблему можно разрешить только одним способом: исключить ложную посылку. Так что ни «отсталой», ни «тёмной» Россия не могла быть, просто она всегда обладала невероятным перепадом уровней: от Пушкина до «ныне дикого» тунгуса. Впрочем, и «дикий» тунгус велик уже тем, что умеет выжить в таких климатических условиях, в которых любой европеец, кроме финна, не выдержит и дня. А если говорить серьёзно, то уровень церковноприходской школы для крестьян, пожалуй, был не намного ниже современной девятилетки. Один факт изучения Библии – сложнейшей философской книги – чего стоит. Преимущество церковной школы в том, что маленький человек сначала получает целостную картину бытия и постигает язык, впитывая мораль, а уже потом в этот более или менее сформированный свой маленький мир размещает все остальные знания. При этом суть дела не в истинности или ложности версии сотворения мира Богом, а именно в целостности картины и в формировании нравственного императива. В советской же школе читали: «Мама мыла раму» – и мерили скорость чтения. Типичный отрыв формы от содержания, так как читать быстро, не понимая, – это то же, что быстро скосить пшеницу и бросить её гнить на поле под осенние дожди, что, кстати, и делалось частенько в советских колхозах и совхозах. Думается, миф об отсталости и безграмотности России в начале XX века давно пора отбросить, точно так же, как и миф о ликбезе. Настоящая безграмотность пришла как раз при советской власти: во-первых, потому что ликвидировали не безграмотность, ликвидировали или изгоняли из страны людей – носителей этой самой грамотности, а во-вторых, борьба с религией отбросила общество на дохристианский уровень. Ситуация дохо-

113

дила до абсурда: подавляющее большинство советских людей, получивших высшее образование, ни разу не открывали самую читаемую на земном шаре книгу (то есть Библию), тиражи которой составляют сотни миллионов экземпляров. Мало того, люди, получившие дипломы о высшем образовании, не владели ни одним иностранным языком, не знали всерьёз ни латынь, ни греческий язык. А. И. Солженицын совершенно справедливо назвал советскую интеллигенцию «образованщиной» – и обижаться на это не нужно, это факт. На Западе наши дипломы не признают до сих пор, и их можно понять. Проблема заключается ещё и в том, что язык, «слово божие» от религии отделить трудно, весь язык пронизан библейскими оборотами, словно пласт дёрна корнями. Многие современные люди этого даже и не подозревают и не могут ответить на вопрос, откуда взялись фразы: «не хлебом единым жив человек», «глас вопиющего в пустыне», «око за око», «окаянный человек», «не судите, да не судимы будете». Но даже так, в некоей замаскированной форме, через оставшиеся в языке понятия и фразеологизмы религиозные нравственные нормы воздействовали на сознание советского человека, тем более что «кодекс строителя коммунизма» был списан с библейских заповедей. Получается, что, отринув внешние стороны христианства, разрушив храмы, расправившись со священнослужителями, новая власть оказалась не в состоянии справиться со внутренним духовным воздействием религии и начала приспосабливаться. Например, в ходе страшной войны в 1943 году Сталин вернул церкви некоторые утраченные ею позиции. Это можно объяснить ещё и тем, что, потеряв в первые два года войны солдат 1917–1924 года рождения, советское государство призвало в армию резервистов, рождённых в 1900–1917 годах, которые были по своему воспитанию религиозными людьми. Они и разгромили Германию.

Советскую школу отделили от церкви, преподнеся это как великое завоевание революции, и превратили в учреждение, в котором механистическим путём пытались вложить в ум детей некую информацию, в основном политического характера, не дав в начале пути целостную картину мира. Причём отщипнув верхушки у множества предметов и напичкав учебники идеологической галиматьёй. От деградации Россию тогда спасли старые учителя из царских гимназий, которые вели занятия по старинке.

Невосполнимые потери понесло российское крестьянство – основной носитель и творец языка – во время Гражданской войны (количество жертв которой не будет установлено уже никогда) и, конечно, коллективизации, когда были раскулачены, высланы и, по сути, уничтожены наиболее грамотные и хозяйственные крестьяне, которым навесили ярлык «кулаки». Вместе с ними ушёл в небытие целый пласт слов, связанных с бытом крестьянина-единоличника: слова, обозначающие составные части конской упряжи, элементы различных станков, названия многочисленных инструментов. Например, «просак» – движущаяся часть ткацкого станка, в которую было попадать нельзя – искалечишься. Хозяина сменил равнодушный раб, язык которого обеднел, ибо невольнику не надо много говорить. Советская власть, в сущности, сняла с народа сливок, смешала их с лагерной грязью и рьяно взялась сбивать масло из обрата.

А. П. Чехов на заре XX века, не ведая, какая участь ждёт Россию, писал: «Нужно по капле выдавливать из себя раба». Он не мог знать, что «век-волкодав» (Мандельштам) возродит рабство в таком размахе, что даже спустя сто лет его не выдавливать нужно будет по капле, а вымывать водами какой-нибудь великой реки; даже мутные потоки свободы 1990-х годов не смогли промыть авгиевы конюшни рабской психологии.

С точки зрения нашей темы важно то, что Гражданская война, коллективизация, а затем Великая Отечественная война унесли десятки миллионов носителей языка: как молодых, говоривших на советском новоязе, так и зрелых, предпочитавших язык Даля. Причём доля последних была значительно выше. Всё это имело определённые последствия для языка: он обеднел. В этой связи нужно отметить, что язык – это не только одна из опор этноса, это ещё и своеобразное зеркало, в котором отражаются малейшие изменения исторических судеб народа. Все явления бытия имеют свои названия. В сущности, язык сам по себе является ценным историческим источником.

С 1917 по 1956 год в местах заключения в СССР находилось несколько миллионов человек, которые получили свои немалые сроки за слова. Они сказали не те слова не при тех людях. Обширная, разветвлённая 58-я статья уголовного кодекса карала за речь. Получается, что именно язык стал последним форпостом утраченной свободы. Миллионы людей смели гово-

рить то, что думали, и это было объявлено преступлением, за которое государство карало даже жесточе, чем за воровство и разбой. Но с языком справиться невозможно ни одному диктатору. Война с мыслью так же безнадёжна, как война с солнечным светом: волны мысли не удержит ни колющая проволока, ни железобетон. Самые достойные представители народов России боролись с жестоким режимом Словом, иногда сами этого не понимая, но были преданы и брошены в лагеря. Увы, это самая отвратительная черта тоталитарного режима: главной фигурой в нём становится доносчик, стукач, носитель иудина греха.

А. А. Зиновьев – выдающийся русский философ, автор серьёзных работ по логике и удивительной книги «Зияющие высоты», утверждал, что в СССР доносил каждый шестой. Если взять за основу эту цифру, то на 180-миллионный народ (в 1940–1950-е годы) приходилось 30 миллионов доносчиков. С учётом этого факта совсем по-другому звучит знаменитая фраза мужественной женщины, поэта Анны Андреевны Ахматовой, которая уже в период хрущёвской оттепели сказала: «Россия, которая сидела, и та, которая сажала, посмотрели в глаза друг другу». Ситуация не из лёгких: изуродованные физически, но не сломленные духовно «политические» взглянули в глаза своим доносчикам, для последних это были годы великого страха. Донос – явление языковое, и его следует подвергнуть анализу.

Смысловой основой доноса является не столько точная передача слов жертвы, сколько лживая интерпретация этих слов в соответствии с его, доносчика, внутренним миром. О. де Бальзак говорил по этому поводу очень точно: «Гнусное свойство карликовых душ приписывать своё духовное убожество другим». Поэтому слова жертвы доноса часто совершенно меняют свой смысл на противоположный. Донос очень часто выдаётся за «глас народа» – разумеется, доносчик стремится остаться неизвестным либо как-то замаскироваться. Если в тоталитарную эпоху никто особо не разбирался и просто арестовывал, то в наши дни доносы, имеющие вид жалоб, докладных и т. п., ставят выборные органы власти в очень сложное положение: бросить в корзину их нельзя, так как начальник обязан реагировать на жалобу, но и верить тоже нельзя, потому что, как правило, жертвы доноса – люди, либо известные своей честностью, либо талантливые, либо крупные налогоплательщики. Ведь

на человека незаметного, бедного, лишённого каких-либо талантов не доносят – что с него взять.

«Не болтай, а то пойдёшь в Алтай галок щупать» – этот фразеологизм я услышал в детстве от одной колоритной старушки и смеялся. Лет через сорок дошёл смысл: те, кто сказал что-то против власти, попадал в ссылку на Алтай и, голодая, ловил птиц, галок. И мне уже было не до смеха. Подобные масштабные преследования за иную речь и иной образ мысли в отличие от официально разрешённой имели место в Испании в эпоху инквизиции. Это очень грустная параллель, но великая Испанская империя рухнула, её не спасло ни золото инков, ни Непобедимая армада, ни 20 миллионов сожжённых на кострах еретиков. Испанцы, ещё до похода на Англию в 1588 году, называли армаду кораблей «непобедимой» и были за это наказаны, советские люди в 1930-е годы пели про армию: «Непобедимая и легендарная», «Броня крепка и танки наши быстры» – и получили 1941 год. Из всех видов мистики, пожалуй, реальна лишь мистика языка. Наши предки это знали и говорили: «Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь». В действительности безудержная похвальба приводит к расслабленности, недооценке противника, а значит – и к поражению.

Особенностью любого развитого интеллекта является критическое осмысление информации. Мозг сверяет новое знание с данными, полученными ранее. Точно так же поступает, кстати, любая компьютерная антивирусная система (нетрудно понять, с чего «лепили» компьютер). Когда несоответствие становится вопиющим, вполне естественно, человек стремится разрешить противоречие и говорит о своих сомнениях окружающим, среди которых могут оказаться доносчики. Следовательно, подвергались репрессиям индивиды, обладающие критическим мышлением, то есть самые ценные для общества личности. Это можно назвать «противоестественным отбором». Язык воров (или «феня») стал известен образованным людям, посаженным по 58-й статье, и через них широко проник в общество. Преодолев внутреннее сопротивление, многие начали говорить на «фене» – так было проще выжить. С другой стороны, тысячи образованных людей, оказавшись в лагерях, сумели произвести неизгладимое впечатление на «обычных» преступников, некоторые из них позже признавались, что больше никогда в жизни не видели таких ум-

ных и стойких людей, нежели в заключении, и никогда уже нигде не узнают столько нового и интересного. При Сталине тюрьмы были настоящими университетами с отличным профессорским составом. Такой вот парадокс эпохи.

С помощью Юлиана Семёнова, известного русского писателя, автора знаменитых произведений о Штирлице, попробуем развенчать ещё один стереотип, возникший при советской власти и не изжитый до сих пор: «мягкотелая интеллигенция». Ю. Семёнов в одном из своих романов размышляет: «Интеллигенция по определению не может быть мягкотелой, потому что способна поступиться свободой и жизнью ради идеи, ради слова, то есть если «мягкотелый», значит – «не интеллигент». От себя могу добавить, что первым интеллигентом, который отдал своё тело на растерзание варварам, но не изменил своей идее, был Иисус. Тело, но не душу и не Слово. Потому и почитают его до сих пор.

В результате контактов русской интеллигенции и воров в лагерях в русском разговорном языке появился пласт слов, которые можно назвать криминализмами.

В речи современного школьника мы можем обнаружить значительное количество слов, пришедших из мест лишения свободы по следующим причинам.

Во-первых, сыграла свою роль «великая криминальная революция» (термин С. Говорухина) 1990-х годов, когда множество носителей блатного жаргона пошли в бизнес, а впоследствии легализовались. Их жаргон наложился на лексику воров 1930–1950-х годов и стал широко распространяться во всех слоях населения. Во-вторых, словечки, пришедшие из уголовного мира, для школьников овеяны некой романтикой, и часть учащихся не без гордости их использует, видимо, считая, что этим они поднимают свой авторитет. Приведём конкретные примеры из речи школьников.

На сегодняшний день наиболее популярным у детей является короткое словечко «лох». Данное слово вытеснило аналогичное по смыслу и распространённое до него слово «фраер». Значения лексемы: 1) игрок в карты, которого профессиональные игроки – шулеры завлекают в игру и обирают до нитки, 2) человек, не принадлежащий к воровскому миру, 3) жертва обмана, мошенничества, 4) в широком смысле – непрофессионал, дилетант. У Даля слово «лох» имеет два значения: или это лосось, который, выметав

115

икру, встаёт в омут и болеет, потеряв вес почти до половины; или это разиня, шалопаи (в псковских говорах). Очевидно, что слово старое, оно просто изменило смысл – и то незначительно. Побороть тягу детей к нему можно только одним способом: рассказать значение детям, снять ореол загадочности, «приземлить» слово, и тогда потеряется интерес.

Сегодня дети знают слово «хавать», даже не понимая, что они говорят. У Даля нет этого слова – значит, оно возникло в XX веке в сталинских лагерях. Разгадка кроется в выражении «свиньи хавают» (не будем забывать, что свинью называют ещё хавроньей). Кто видел, как едят свиньи, тот знает, что они жадно хватают корм из корыта, попутно вытесняя конкурентов. Значит, «хавать» – это жадно и неопратно, по-свински есть. Рецепт прост и здесь: дети не знают этого, они просто щеголяют модным словечком. Если они будут знать подноготную слова, мозг его начнёт блокировать. Вы не найдёте ни одного человека, который, к примеру, будет веселиться, услышав слово «Беслан», если он знает, что оно означает.

Довольно любопытна этимология и сдвиги значения очень популярного у школьников жаргонного слова «палить», которое тоже пришло из мест лишения свободы. Оно означает «долго или внимательно смотреть на кого-то». «Что ты палишь», – говорит девочка мальчику, подразумевая, что ей это неприятно, так как слово имеет негативный оттенок. Мальчики, совершив что-то предосудительное, в том случае если их увидели за этим занятием взрослые, говорят «мы спалились» или «нас запалили». В прежние времена в такой ситуации говорили: «Нас застукали». На первый взгляд данная лексема связана со словом «палить» в значении «жечь», но это не так. Жаргонизм происходит от слова «пялить», то есть, по Далю, «растягивать, распинать, туго натягивать». Одно из значений слова «пялить глаза» – пучить, стойко, упорно смотреть на что-то. Так как чисто артикуляционно слово «палить» произнести проще, чем «пялить», смягчение ушло и вместо звука «йа» появился звук «а», а ударение сместилось на последний слог, как в слове «палить» в смысле «жечь». Вскрыв перед детьми происхождение данного слова, можно обратить внимание на то, что в слове «пялить» корень тот же, что и в слове «распинать», то есть подвергать человека мучительной казни. Возможно, такая ассоциа-

ция создаст в сознании некий барьер и слово выйдет из обихода.

Механизм очистищения речи школьников от весьма неприятных слов в целом ясен: чтобы победить недуг, его, как вы понимаете, следует изучить. По моему глубокому убеждению, русский язык достаточно богат на слова и нет никакого резона позволять нашим детям говорить на языке урок.

Нельзя, на наш взгляд, обойти вниманием и очень широко распространённое слово «типа», которое является не столько криминализмом, сколько относится к молодёжному сленгу. Это слово очень точно обозначает некое социальное явление, которое в последние годы развилось и укрепилось, а именно: замена реального дела его имитацией. Такая замена была охарактеризована в книге Зиновьева, то есть у данной проблемы достаточно глубокие традиции. По смыслу слово «типа» означает «якобы», «как бы» – кстати, именно последнее словосочетание оно в последнее время и заменило. Лет 15 назад «как бы» имело распространение даже в образованной среде, активно паразитируя в речи. Приведём пример: учащийся во время мониторинга, экзамена и т. п. сумел воспользоваться мобильным телефоном, добыл ответы в интернете и на вопрос сверстника: «Сдал?» – отвечает: «Типа сдал». Всем понятно, что сдал, но нечестно. Учитель, материально заинтересованный в том, чтобы дети сдали как можно лучше, мог видеть, что дети списывают, но промолчать. Потом он скажет коллегам: «Типа хорошо сдали». Подобная картина наблюдалась и 30–40 лет назад в институтах, когда множество студентов сдавали экзамен по шпаргалкам, и преподаватели не могли этого не видеть, скорее не хотели лишних хлопот. В наше время степень безнравственности углубляется: некоторые дети, «типа сдав», претендуют на «хорошо» и «отлично», а некоторые учителя им в этом потворствуют.

Замена дела его имитацией – чрезвычайно острая социальная проблема, приводящая к несчастьям. На дорогах страны каждый год гибнет 30 тысяч молодых здоровых людей и ещё 200 тысяч становятся инвалидами по одной простой причине: сначала сдают теорию по тестовой системе, о недостатках которой скажем ниже, а затем – вождение, некую имитацию экзамена. Подавляющее большинство молодых мужчин и женщин, получая права, совершенно

116

не умеют ездить, они учатся уже в «боевых» условиях, и часть гибнет, так и не научившись.

Не будем также забывать, что жаргонизмы, вытесняя из речи обычные слова, оказывают влияние на сознание, делают его таким же примитивным: в голове одни жаргонизмы, а в текстах учебников их нет, поэтому жалоба «мы читали, но ничего не поняли» раздаётся из уст детей очень часто. Типичным становится «ответ» такого плана: «Ну, типа, короче, они бомбили монголов». Слова – паразиты, местоимения, неточное употребление слова «бомбили» – вот и весь ответ. Смешение эпох в головах подростков поразительное, им невдомёк, что «бомбить», то есть забрасывать бомбами с самолётов – в XX веке, а монголы были разбиты русскими на Куликовом поле с помощью холодного оружия в XIV веке. Современный подросток, вооружённый невиданными ранее возможностями добывать любую информацию, порой не знает таких вещей, что становится похож на инопланетянина. Ребёнок живёт сиюминутными интересами, в маленьком узеньком мирке, часто ограниченном спортзалом по вечерам и социальными сетями во всё остальное время, к детским рукам прикованы мобильники. В сетях дети обмениваются некими фразами и рассматривают фотографии. Человека моего поколения и уровня начитанности в таких сетях охватывает смертная скука. Дети сидят в сетях часами – и им интересно. Анализ этих фактов приводит к довольно тяжёлой мысли – у нас на глазах формируется новый этнос, совсем другой народ, для которого все ценности предыдущих поколений не имеют никакого значения, то есть в точности повторяется ситуация разрыва эпох, как и в 20-е годы XX века. Если бы при этом дети владели словом, блестяще разбирались в сложной электронике, проявляли эрудицию – но нет: в сетях, в статусах мы видим то же убогое косноязычие, приправленное жаргоном и матом – интернет всё стерпит. Одна из причин данной ситуации, как ни странно, это легкодоступность информации. Ребёнок думает, что ему не нужно ничего знать самому, так как в любой момент за несколько секунд он узнает ответ. У него возникает иллюзия всезнания. На самом же деле мозг ребёнка – это как бы флеш-карта с небольшим количеством собственной информации, подключённая к серверу, и самостоятельно она функционировать не может. Такая информационная беспомощность, зависимость от внешнего «большого мозга» сродни

обыкновенному рабству. Нынешний школьник – невольник компьютерных систем.

Эпоха войн, лагерей, великих строев ознаменовалась широким распространением по языку всех социальных слоёв ненормативной лексики – мата. Из среды рабочего класса, где эта лексика использовалась наиболее активно, в 1960–1980-е годы она перекочевала в речь интеллигенции. Причина этого явления, скорее всего, в том, что в обществе росли протестные настроения, официальная пропаганда настолько раздражала мыслящих людей, что они «выпускали пар» таким способом, что, впрочем, не делало им чести. Таким образом, можно говорить о вульгаризации сознания и речи, а слова эти логично называть вульгаризмами.

Маргинализация, унижение населения в 1990-е годы вызвала беспрецедентное развитие сквернословия даже среди женщин. Если сорок лет назад мужчины не решались переходить на мат в присутствии прекрасного пола, то в последние двадцать лет мат превратился, по сути, в разговорный язык как мужчин, так и женщин, не говоря уже о детях. Дети используют нецензурные слова, самоутверждаясь среди сверстников, копируя взрослых, а также используют данную лексику в качестве защиты. В принципе любое ругательство – это способ защиты от агрессии. Безобидное насекомое божья коровка, чувствуя опасность, выпускает неприятно пахнущую жидкость, ёж сворачивается в клубок, собака показывает зубы, человек же (и взрослый, и ребёнок) по-своему оскальчивает зубы – в ответ на угрозы он матерится. С матом ничего нельзя сделать, пока не будет умалена степень агрессии в современном обществе. Мат – последняя ступень перед применением кулака и, кроме того, ещё и причина, по которой кулак будет пущен в ход. Оскорблённое самолюбие спорящих нарастает как снежный ком: чем грязнее ругательства, тем ближе развязка через насилие. Откуда же столько агрессии у детей, которые (особенно в начальной школе) всю перемену могут изощрённо оскорблять друг друга, даже и всерьёз ударить? Ответ очевиден: от нас, уважаемые взрослые, дети по-своему нас копируют. Одна из причин агрессии во взрослых – огромный разброс доходов между разными группами населения, сложившийся в последние 20 лет, и сопутствующая этому явлению отчаянная бедность одних и показная роскошь других. Наше общество только начинает к этому привыкать, и очень немногие

осознают, что это нормально. Ненормальным в этой ситуации, конечно, является факт незаконного обогащения, коррупция, моральная нечистоплотность некоторых богатых людей, но это уже другой вопрос. И всё же люди в свободном обществе не могут жить одинаково: у одних больше силы, таланта, знаний, желания рисковать, а у других меньше. Те, кто этого не понимает, находясь всё ещё в плену уравнилельной коммунистической психологии, завидуют и ненавидят, вымещают свою злобу на близких, в том числе на детях. Давно замечено: чем никчёмнее человек, тем выше его амбиции и смертоноснее его накал ненависти ко всем тем, кто добрее, богаче, удачливее, трезвее его, наконец. Многолетние наблюдения за жизнью села свидетельствуют: на грани нищеты и в бедности живут молодые семьи, семьи, недавно переехавшие из других мест, матери-одиночки, не имеющие образования, пьющие семьи, пьющие матери-одиночки, пьющие одинокие мужчины. Пьющие – значит бессильные, неспособные работать. Семьи, в которых не пьют или пьют в меру, прожившие в селе от 10 до 30 лет и более, не живут в бедности и такой агрессии почти не проявляют. Опытному учителю, к примеру, не нужно смотреть на родителей мальчика, который жестоко бьёт сверстников, он знает, что они собой представляют внутренне, ¹⁷⁸ вот оно, их зеркало, перед нами. Тут два варианта: либо в семье нищета в сочетании с пьянством, либо ребёнок пресыщен и избалован.

Вторая серьёзная причина роста агрессивности – позиция средств массовой информации, которые ради прибыли идут на поводу у самых низменных человеческих качеств, а именно: в массе своей людям нравятся со времён гладиаторских боёв смотреть фильмы и читать книги, главным нервом которых является насилие. Компьютерные игры грешат тем же. У виртуальных героев много жизней, но у детей, которые днями играют в «стрелялки», жизнь одна: бездарно потраченное время не вернуть, гонки на электронных машинках – это езда в никуда. Вот доводы, которые мы, взрослые, должны ежедневно внушать детям. Если же мы смотрим на это сквозь пальцы, руководствуясь соображениями: ребёнок занят, сидит тихо, а мы займёмся своими делами, то это значит, что судьба собственных детей нас не интересует. У человека, имеющего детей, не может быть «своих дел», более важных, чем его сын или дочь. Ребёнка нет нужды «воспитывать». В нашем обществе под этим словом всегда понимают

либо нравоучительные беседы, либо некие мероприятия, это всё пришло к нам из советской эпохи, когда даже лагеря называли исправительно-воспитательными учреждениями. Подобный примитивный подход давно пора пересмотреть. Ребёнка (при всём уважении к слову) воспитывает не столько слово, сколько образ жизни людей его ближнего окружения. Как только слова входят в противоречие с делами, то есть возникает ситуация лжи, ребёнок убеждается, к своему ужасу, что его любимые люди – ханжи и лицемеры, а значит, либо он начинает отстаивать пред ними свою правду, либо его лицо постепенно превращается в личину. Второе страшнее. Выводы из этих рассуждений просты: родители, дети которых замечены в проявлениях агрессии, использовании ужасных ругательств, курении, пьянстве, невежестве не просто «недосмотрели», они сами неправильно живут, и если они желают спасти своих детей, им нужно в корне поменять собственный образ жизни в соответствии с общеизвестными моральными нормами, которые, как справедливо заметил А. А. Зиновьев, «тривиальны по смыслу, но безумно трудны по исполнению»*. Таким образом, мало сказать правильное слово – нужно, чтобы оно всегда соответствовало делу. Ещё Рене Декарт утверждал, что «истина – это соответствие мысли предмету». Слово в нашем понимании – это мысль, выраженная в материальной форме, то есть речь, предмет – это вся наша действительность, с присущими ей противоречиями. Дети наши, не по своей вине нахватившиеся блатного жаргона, по-своему и предельно лаконично могут выразить эту мысль Декарта: «Следи за базаром».

Сегодня, кроме всего прочего, мы пожинаем плоды атеизма. Человеку, который никогда не открывал Библию, сложно объяснить, что такое милосердие и почему не следует оскорблять ближнего. Атеисту (и ребёнку, и взрослому) неизвестно, что за все сотворённые им безобразия (грехи) в конечном итоге придётся отвечать – и отвечать при жизни. Пьющий с малолетства сопьётся и погибнет молодым; распускающий кулаки со временем сядет в тюрьму и сгинет от туберкулёза; говорящий плохо о чужих детях останется без детей или внуков; завидующий чужому богатству потеряет последнее, что имел. Эти ситуации не выдуманы, а взяты из жизни. Можно признавать или отвергать наличие неких

* Зиновьев А. А. Зияющие высоты.

сверхъестественных сил, следящих за всеобщей справедливостью, но трудно опровергнуть мысль: «наказание человека в нём самом». Возражения на этот тезис: «множество подлых людей, которые умерли богатыми и счастливыми» несерьёзны, так как их жизнь, лишённая моральных принципов, может, и закончится удачно, но непременно ударит по их детям и внукам.

Человечество уже две тысячи лет знает, что злоба, ненависть, зависть, гордыня – всё это смертные грехи, потому что в первую очередь эти черты в человеке стремительно разрушают его самого как духовно, так и физически, то есть агрессивный человек – прежде всего самоубийца. Многие из нас в своём духовном одиночии дошли до того, что не только гордятся своими пороками как некими достижениями, но и при виде чужой беды, катастрофы, преступления, вместо того чтобы помочь, стремятся снять всё это на видео с помощью мобильного телефона и показать в сети другим нравственным калекам, которые весь этот кошмар смотрят и делают «оценки». Вот уж действительно дьявольская смесь безнравственности и высоких технологий.

Из сказанного выше можно сделать следующие выводы. Под воздействием серьёзных социальных сдвигов, таких как революции, войны, массовые репрессии, в русском разговорном языке появились тенденции, ведущие к упрощению системы, а значит, к примитивизации. Разумеется, это не могло не сказаться на состоянии сознания носителей языка. В последние годы тенденции усилились. Рост агрессии в результате дифференциации уровня доходов, пропаганды насилия в СМИ, отсутствия религиозных сдержек, алкоголизации ведёт к популяризации ненормативной и жаргонной лексики, которая в свою очередь снижает сознание человека до первобытного уровня. Речь и сознание ребёнка формируется в его ближнем окружении: если среди взрослых в этом окружении царят безнравственность, пьянство, лицемерие и равнодушие, мы не вправе требовать от него чего-то иного, пока не изменимся сами.

В начале 1990-х годов вместе с советской властью рухнула грандиозная коммунистическая пропагандистская система и из языка начали уходить советизмы. Средства массовой информации перестали подвергаться цензуре. С одной стороны, это великое завоевание нового демократического режима, но, как выяснилось впоследствии, у этой медали был и оборот. Если

до 1991 года в эфир выходил диктор центрального или регионального телевидения, то он строго придерживался норм орфоэпии, отслеживались даже ударения. После 1991 года наряду с речью молодых талантливых журналистов, которые говорили, обходясь без бумажки (что поначалу просто потрясло зрителей), в эфире всё чаще стали звучать фразы, находящиеся за пределами норм литературного языка. Наибольшее количество подобных словопостроений приходилось на рекламу. Причём создаётся впечатление, что нормы языка нарушаются сознательно, из соображений, что «нам дозволено всё». Если взрослые люди рекламу избегают, то дети впитывают её как губка, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Приведём примеры. В русском языке не могут появиться фразы «самый шоколадный», «самый фруктовый», «самый сырный», так как относительные прилагательные не могут иметь превосходную степень. Если мы дойдём до логического конца в этом вопросе, то придётся позволить существование таких словосочетаний: «этот покойник мертвее, чем тот», «эта женщина более беременна, нежели эта», «данное полено осинее, чем другое». Абсурдные фразы о самом шоколадном шоколаде застревают в детских головах навсегда. Возникает ошибочный алгоритм: слова, похожие на «фруктовый», «шоколадный», могут сочетаться со словами «очень», «самый», «более». Никто ведь всерьёз, кроме специалистов, в реальной жизни не помнит о частях речи и правилах, люди в массе своей говорят, как все, поэтому те, кто вещает на многомиллионную аудиторию, несут ответственность за одичание зрителя. В школе это называется просто: единый речевой режим. Почему бы телевидению его не придерживаться? Свобода (в том числе и свобода слова) никогда не предполагает вседозволенности: когда отдельный человек или общество в целом начинает вести себя так, как ему вздумается, автоматически очень скоро начинается рабство. И чем выше был размах вакханалии, тем глубже степень порабощения.

Речь, построенная вкривь и вкось, в устах людей, перед которыми стоят телекамеры, превращает их в рабов невежественной толпы. Публичный человек должен быть выше толпы и пытаться тянуть её вверх, а не лететь вместе с нею в бездну.

Реклама – вещь, безусловно, необходимая, с этим фактом спорить незачем. Сила рекламы –

в ежечасном повторении одних и тех же фраз и видеоряда. Рекламные слоганы, хотим мы этого или нет, прочно запоминаются. Собственно говоря, и школа занимается тем же, но зря говорят: «Повторенье – мать ученья». Если изо дня в день ребёнку говорить одно и то же, он всё же запомнит. Другое дело, что времени на это повторение нет. Школьная программа устроена так, что по темам приходится нестись галопом. Мы «проходим» одно за другим и, как правило, проходим мимо.

При советской власти не было рекламы товаров, но существовала отлично отлаженная система политической рекламы. Всё, что связано с революцией, биографией Ленина, Гражданской войной, победой над фашизмом, достижениями социализма, повторялось бесконечное количество раз по телевидению, радио, в газетах, журналах, текстах упражнений по русскому и иностранному языкам, учебниках гуманитарного цикла, книгах, спектаклях, на классных часах.

Цель этого всего была чисто пропагандистская, но результат выходил за эти рамки: дети и взрослые гораздо лучше знали историю, особенно XX века, литературу (определённой тематики), географию. Однажды на уроке в шестом классе при изучении темы «Невская битва 1240 года» я попутно спросил учащихся: «Какой город сейчас стоит на Неве?» – и поставил всех в тупик. Представьте себе, они это ещё не проходили. В головах 12–13-летних подростков отсутствует целый пласт информации. Они не знают о существовании второго по величине города России, Санкт-Петербурга, бывшей столицы, детища Петра, культурного центра, порта, «колыбели революции» наконец. В 1970-е годы любой пятилетний ребёнок легко бы ответил на такой вопрос.

Краеугольные камни этноса (народа): язык, религия, стереотип поведения, историческая память. В том списке не упомянута культура. И это неслучайно. Культура – явление надстроечное, полностью зависящее от фундамента, при вытаскивании хотя бы одного камня здание культуры рухнет. Яркое определение культуры дал Ф. Ницше: «Культура – тонкая яблочная кожура над раскалённым хаосом». Удивительно, но и в яблоке кора – самое главное, там все витамины; срезав кожуру с яблока, можно выбросить и всё остальное. Так поступил наш одуроченный революционерами народ почти сто лет назад: взял и срезал с себя кожуру дворянской культуры – и наступил хаос, потом «народная власть» отхва-

тила ещё пол-яблока. Вопрос: как страна выжила? Когда срезали, торопились, не заметили, оставили часть кожуры – вот и выжила. Уродливое яблоко получилось, покрытое шрамами, выбоинами, местами подгнившее, но живое. Угрозило же Ницше нам напроорочить. Кстати, дворянство – это и есть олицетворение исторической памяти.

Продолжим разговор в этой плоскости: русский язык – один из краеугольных камней, и современная массовая культура, которую точнее было бы назвать псевдокультурой.

Приблизительно 8–10 тысяч лет назад возникла особая разновидность речи – ритмически организованная речь или стихи. Первыми поэтами, скорее всего, были служители религиозных культов, и это вполне естественно, потому что ритмически организованная речь обладает большим воздействием на слушателя. Чисто физиологически каждый человек живёт благодаря ритмическому биению его сердца. Природа, окружающая нас, устроена ритмически: смена времён года, смена дня и ночи. Поэтому ритм занимает в нашей жизни важное место.

Ритмическая речь лучше запоминается. По сути, тексты священных книг всех мировых религий написаны стихом. Стихи начали сопровождать музыкой, и возник такой культурный феномен, как песня. В новое и новейшее время песня вырвалась из-под сводов храмов на свободу, появилась опера, оперетта, городской романс, песня приобрела светский характер. В XX и XXI веках песня продолжает оказывать огромное влияние на эмоции и сознание человека, особенно молодого.

Песня – явление двуплановое. Во-первых, это языковое явление, во вторых, музыкальное. Нас интересует первое: какие языковые средства послужили для её создания. Даже поверхностный анализ современных популярных песен даёт ошеломляющий результат. Тексты подавляющего большинства современных популярных песен можно назвать стихотворением с большой долей условности.

Вот часть популярной песни «Ты далеко», которую поют Таисия Повалий и Николай Басков:

*Я прошёл все дороги.
Я тебя искал так долго.
Ты холода и тревоги
Вдруг развеяла, и я цветы.
Только мне их подари...*

120

ся и открытые сексуальные притязания «Сим-Сим, откройся, Сим-Сим, отдайся» (А. Укупник). Взрослые, услышав подобное, пожмут плечами и забудут. Другое дело – дети. Они не понимают, что это гипербола, что на самом деле никто никого не убьёт, ведь их мышление конкретно. Рост агрессии и сексуальная распушенность у современного подростка отчасти обусловлены тем, что он слышит вокруг себя. Дело в том, что слух – важнейший канал информации для нашего мозга, и этот канал практически невозможно перекрыть. Если в вашем телевизоре погас экран, но остался звук, вы всё равно поймёте, о чём фильм, но если нет звука, то смотреть на немые картинки нет никакого смысла.

Позволю себе не согласиться с бытующей ныне в педагогике точкой зрения, согласно которой без наглядности, то есть картинки, учебный материал не может быть эффективно усвоен. Отчасти это так и есть, но без слова учителя вообще ничего не произойдёт, единственный эффект от презентаций, показанных детям в молчании, – это большие счета за напрасно сожжённое электричество. Ученик ходит в школу не затем, чтобы смотреть картинки и делать тесты, он идёт слушать учителя, он за Словом к нам приходит. А за словом скрыта внутренняя энергия говорящего, энергия его мысли. По мнению нашего выдающегося соотечественника академика Вернадского, «человеческий разум не является формой энергии, а производит действия, как будто ей отвечающие». Действительно, одно и то же стихотворение, например, один человек прочитает так, что никто и глаз не поднимет, а другой в те же самые слова вложит такое, что слушатели оцепенеют. Именно этим – отсутствием или наличием энергии мысли в словах – объясняется тот факт, что дети не желают слушать слабые ответы друг друга, начинают шуметь на лекции какого-нибудь пожарного или полицейского. Дети очень хорошо понимают, кто тратит свою энергию на них, а кто бережёт себя, кто Учитель, а кто – случайный в этом деле человек. Только взрослые способны (да и то не все) часами слушать никому не нужный вздор. Дети – никогда. Как только учитель замолкает и нажимает на кнопку проектора, все они мгновенно начинают заниматься своими делами, некоторые из вежливости смотрят на экран и думают о своём. Что ж, они понимают: учитель устал, его энергия иссякла.

В последние 10 лет Слово было репрессировано в силу введения тестовой формы обучения

и широкой компьютеризации, Слово загнано в подполье. Немногие учителя осмеливаются ныне отбросить всю эту вредную для дела новомодную чепуху и продолжают говорить, навлекая на себя обвинения в том, что не идут в ногу со временем, что им пора на отдых и так далее.

Однажды на курсах один важный пожилой лектор, рассказывая о компетентностном (о, этот педагогический новояз: это слово почти невозможно выговорить, потому что оно противоречит основному принципу русской графики: после буквы, обозначающей согласный звук, обязательно должна идти гласная, а здесь «..нтн..») подходе, сказал следующее: «После проведения опроса на традиционном уроке дети облегчённо вздыхают: все, мол, страхи позади, теперь учитель начнёт болтать, а мы – бездельничать». Лектор ошибся: учитель не болтает – он работает, потому что его непосредственная работа – общение с детьми. Это очень тяжёлая работа – говорить так, чтобы тебя слушали, и не каждому это дано. И слушать – это тоже тяжёлая работа, дети не могут выполнять её долго. Гораздо легче – «не болтать», то есть давать бесконечные самостоятельные работы, показывать скачанные из интернета картинки, заставлять делать тесты и прочее, и прочее. Учитель замолчал – его работа, собственно, кончилась, можно отдыхать.

Результат 10-летнего гонения на слово налицо: дети замолчали тоже.

Когда пришла мысль провести исследование языка современных детей, планировался сбор материала, стенограмм ответов детей. Но, внутренне похолодев, я понял, что стенографировать нечего, обратился к сестре, работающей в соседней школе, – результат тот же. Ответов нет. Чтобы довести работу до конца, придётся собирать по крупичкам, анализировать слова детей, сказанные на переменах друг другу или в неформальной обстановке – учителю. И это не гипербола, это реальное положение дел (боюсь, что повсюду).

Тестовая система, введённая в России, сыграла большую роль в формировании школьного невежества, близкого к абсолютному. О том, что данная система способствовала изгнанию Слова из учебных кабинетов, уже говорилось, но это ещё не всё.

Во-первых, чтобы сделать тест, нужно прочитать вопрос, варианты ответов, понять прочитанное и сделать выбор. Вот тут и начинается самое интересное. Дети, пришедшие в 5-й класс,

как правило, читают так плохо, что вся их энергия уходит на процесс чтения, о понимании речь не идёт. И не учителя начальной школы виноваты в этом. Просто, чтобы читать хорошо, надо читать много. Дети же не читают совсем. Родители не могут их заставить читать, да и нельзя это сделать, потому что сами родители ничего не читают. Читать сейчас не принято. Человек, который не читает ничего, кроме учебников, имеет ничтожный словарный запас. Но и учебники читают единицы, а потом говорят: «Мы читали, но ничего не поняли». Вместо чтения современный школьник занимается компьютерными играми, смотрит фотографии в социальных сетях и там же сплетничает, набирая фразы, состоящие из жаргонизмов, ругательств, предлогов, союзов и обычных слов, написанных вне законов орфографии, а также празднично гуляет по вечерам с друзьями, посещает дискотеки, слушая там песни, о которых сказано выше, слушает те же песни с помощью наушников. Всё это называется словечком «отрывается со вкусом». От чего отрывается, посмотрим.

Подобное времяпрепровождение превращает школьника в носителя языка, который в читаемом им тексте узнает служебные части речи, междометия, всё остальное ему незнакомо. Человек только потому способен читать быстро, что знакомые ему слова дешифруются быстро, на лету. Я не оговорился: любое чтение – это дешифровка, любой текст – это некая зашифрованная информация.

Умение читать предполагает запоминание определённого процента прочитанного – чем больше слов узнано с лёта, тем выше процент. Умение механически прочитывать текст, не понимая его, называется функциональной безграмотностью.

Довольно значительный процент детей функционально безграмотны, следовательно, прочитать и понять тестовое задание они не могут.

Раньше, когда учитель «болтал», у ученика была возможность пополнить свой словарный запас из его речи, и он понемногу начинал читать и понимать лучше. Ведь, по сути, вся наша жизнь – это бесконечное пополнение словарного запаса. К старшим классам ученик достигал определённого уровня. Сегодня учитель не «болтает» и словарный запас учащихся остаётся на уровне начальной школы.

Что такое компьютер? Это большое здание, одно крыло которого занято библиотекой, а в

других помещениях стоят игральные автоматы, где-то показывают кино (в том числе непристойное), гремит музыка самого разного качества, есть место, где люди просто сидят и сплетничают, много всяких соблазнов, но в библиотеке пусто, весь народ в других местах. Учитель-библиотекарь книжки перекладывает и скучает. Все новомодные течения в педагогике низводят учителя до роли простого библиотекаря, и это уже привело к катастрофическим последствиям; когда же уйдут на пенсию последние учителя, которые много читали и поэтому умели много и по существу говорить, и их сменит младая поросль, не открывавшая иных книжек, помимо сберегательной, вот тогда, собственно, тему образования можно будет смело закрывать, это уже будет нечто другое.

Во-вторых, представим себе, что школьник тестовое задание прочитал и понял, теперь он должен выбрать один ответ из четырёх. В реальной действительности человек никогда не имеет возможности иметь под рукой правильный ответ. Из проблем (а их в жизни много) нужно искать выход, не имея подсказок. Другими словами, человек, чтобы выжить, обязан ежедневно выбирать единственный вариант из нескольких миллионов, опираясь на свои реальные знания и на гибкость своего мышления. Наши дети говорят: «Мы не будем делать это задание, потому что в нём нет вариантов ответа». Кого же мы готовим? Беспомощного индивида, который будет тупо ждать, когда ему кто-нибудь что-нибудь подскажет. И чаще всего неправильно. Мы отучаем человека думать.

В-третьих, экзаменуемый молчит. Ему не нужно ничего никому доказывать, обосновывать, аргументировать, ему не надо проявлять свою индивидуальность. Только речь способна дать человеку исчерпывающую характеристику, всё остальное можно подделать. Отказавшись от обычных, «речевых» экзаменов, вузы получают в студенты кого угодно. Результаты уже есть: в телесюжете показывали выпускниц экономического факультета, которые не знали, что такое прибыль.

Выводы. Из всех способов проверки знаний учащихся, известных в мировой практике, в России был выбран самый неудачный – тестовый. Под этот способ подогнана система, из-под которой вынут краеугольный камень – язык. Если в ближайшее время Слово не будет реабилитировано, одичание населения примет необратимый

характер. Самое интересное, что сочинение, которое вроде бы собираются вернуть, положения не спасет: особенность письменной речи – возможность списывания. Только устную речь нельзя ни списать, ни подделать, ни купить за деньги, ибо мысль не продаётся и не покупается, как и вдохновение, продать и купить можно только рукопись (Пушкин*).

Слово учителя – действенный инструмент, но простой расчёт свидетельствует: в контакте с учителем школьник проводит такое ничтожное количество времени, что остаётся только удивляться, что некоторые помнят своих учителей всю жизнь. Посудите сами: учащийся проводит в классах приблизительно 365 суток «чистого времени», если он окончил 11-летнюю школу, и 270 суток, если девятилетку. То есть если оценить среднюю продолжительность жизни в 70 лет, то на школьное образование уходит 1,4 процента времени. Для сравнения: в туалете человек проводит 4 года (или 5,7 процента), несколько лет мы едим, 20–25 лет спим, восстанавливая энергию своего мозга. Если же взять отдельно взятый предмет (допустим, русский язык), то общение с учителем – это короткое мгновение где-то на заре жизни. Следовательно, почти всему, что умеет человек в зрелые годы, он учится сам. И в школе он тоже учится сам (правда, здесь ему учитель как может помогает), и для успешного учения самым важным является мотив. Человек должен чётко представлять, для чего он должен тратить время и энергию на нелёгкий труд. Учиться по-настоящему всегда трудно, потому что мозг человека поглощает третью часть всего кислорода и питательных веществ организма, при этом занимая всего одну шестидесятую – одну семидесятую часть по весу. Мозг – самый энергоёмкий орган, высасывающий из ребёнка все соки, поэтому школьники всегда хотят есть. Учитель, который провёл пять-шесть уроков, энергетически опустошён так, что едва волочит ноги. Не стоит разделять труд на умственный и физический: работая физически (конечно, если это не конвейер), человек, как правило, думает, а когда человек говорит по делу, он изматывается физически.

Итак, мотив. Руководители районов, городов, вкладывающие много денег в ремонт школ,

* «Не продаётся вдохновенье, но можно рукопись продать».

в их оснащении, недоумевают: где же результат? А с результатами плохо, так как у подавляющего большинства школьников отсутствует мотив. Образованные люди не востребованы обществом по чисто экономическим причинам. Предположим, в Кузбассе вся экономика основана на добыче угля и его перевозке. Мальчик-школьник хорошо знает, что для получения водительских прав ему достаточно уровня начальной школы и нормального состояния здоровья. Он сядет за руль «БелАЗа» или рычаги экскаватора – и будет нормально жить. Девочки-школьницы понимают, что им достаточно удачно выйти замуж за того же белазиста, и тоже не надрываются в учебе. Даром, что швейные и обувные фабрики приказали долго жить и работы для женщин, по сути, нет. Девочки в старших классах всерьёз озабочены не учёбой, а поиском приличного непьющего мальчика – от этого зависит вся их будущая жизнь, и мы не вправе их за это обвинять. Советская власть закончилась, и всё возвращается на свои круги: женщина, сумевшая создать семью и родить детей, достаточно много работает дома, ей совершенно не обязательно нести двойную нагрузку – работать где-то ещё при условии, что денег, заработанных мужем, хватает. Формулировка, принятая в Европе и США, «либо работать, либо выйти замуж» приемлема и в современной России. Материнству вернули, наконец, статус тяжёлого труда, но материальное вознаграждение за этот труд в России на сегодняшний день настолько незначительно, что женщина, родившая без мужа, порой вынуждена бросать ребёнка (разумеется, если ей позволяет совесть). Множество детских домов в современной России – признак не только её экономических проблем, но и проблем угасания нравственности.

На сегодняшний день Россия – это страна, в которой как грибы растут гигантские супермаркеты, предназначенные для сбыта китайских товаров, но о новых фабриках слышно редко. Наше производство ограничивается добычей и транспортировкой сырья: нефти, газа, угля, леса. Дети и их родители очень хорошо знают, что выпускники, получившие высшее образование, во-первых, тратят лучшие годы жизни на учёбу вместо того, чтобы создавать семью, и часто впоследствии с личной жизнью у них есть проблемы. Во-вторых, образование не даёт гарантий высокого заработка: наоборот, зарплата бюд-

жетников – это излюбленная тема для насмешек юмористов. В-третьих, найти работу очень сложно, люди с высшим образованием в сырьевой экономике не нужны – нужны квалифицированные рабочие.

В данных экономических условиях у учащихся нет и не может быть мотива для успешной учёбы, поэтому обвинять школу, учителя в невежестве масс – абсурд.

Разумеется, отсутствие мотива связано не только с проблемой ненужности знаний в экономике, основанной на продаже сырья. Играет роль целый комплекс самых разнообразных обстоятельств, среди которых важна для нашей темы проблема примитивизации речи и сознания. Ведь практически каждый ребёнок очень хорошо знает, что он представляет собой на самом деле. Человек всегда знает себе цену, но по вполне понятным причинам прячет это знание от окружающих и часто даже от самого себя. Другими словами, многие не хотят учиться, потому что не могут. Чудовищная алкоголизация, которой подверглась страна за последние 120 лет, начиная с «пьяного бюджета» С. Ю. Витте и кончая современными пивными ларьками, привела к тому, что в некоторых классах 100 процентов учащихся так или иначе пострадали от пьянства их близких. Приведу факты.

По этическим соображениям имена не названы либо изменены. В 8-м классе 14 человек. Шестеро воспитываются в приёмных семьях, один «настоящий» сирота, родители ещё одного мальчика и четырёх девочек лишены родительских прав в связи с алкоголизмом. В полной семье воспитываются только два мальчика. Отец одного, тракторист, талантливый технарь, здорово пил в молодости, затем восемь лет работал в Москве, недавно вернулся, сейчас не пьёт. Его сын прекрасно управляется с трактором, но учиться не желает, просто сидит. Отец второго злоупотребляет спиртным, но, как говорится, в меру. Это повлияло на ребёнка: мальчик не глупый, но с детства имеет проблемы с речью и подвержен приступам агрессии.

Девочка (допустим, Маша) в детстве потеряла отца, который замёрз, перебрал на поминках. Мама отдала дочери «всю себя» и испортила ребёнка. Способная девочка невероятно ленива, самонадеянна, её поведение можно назвать вульгарным. Типичная ошибка матерей-одиночек и вдов (если ребёнок у них один): ни в коем случае нельзя посвящать всю жизнь ребёнку –

вы его искалечите. В любви, как и во всём прочем, не стоит переходить границы разумного.

Ещё одна девочка (Таня) живёт с матерью и отчимом. Мать пьёт в меру, а отчим – запоями, во время запоев гонит всех из дома. Они уже уезжали от него совсем, но вернулись, деваться некуда.

Девочка Марина растёт в многодетной семье, в которой отец систематически пил и издевался над семьёй, – в результате, забрав трёх детей, мама переехала в другой населённый пункт, рассчитывая жить на «детские».

Мальчик Дима воспитывается матерью. Его отец лет 10 назад во время покоса нечаянно задавил своего отца (едва ли оба были трезвы), впал в депрессию, запил и погиб от запоя в 36 лет. Мальчик учится неплохо, но в его речи и поведении есть некие странности – для детей даром не проходит ничего, всё накладывает свой отпечаток.

Мальчик Слава жил с бабушкой-инвалидом и матерью. Бабушка получала неплохую пенсию, которую пропивала с дочерью и её сожителями. В 56 лет бабушка умерла от запоя. Её дочь продолжает пить, начал пить и Слава. Он почти не умеет читать, у него дисграфия, то есть он не понимает, что пишет. Слава отличается агрессивностью, уже не раз пускал в ход кулаки.

Мальчик Вова всегда молчит – у него дефект речи, и он таким способом его скрывает, хотя по математике пишет, решает, получает четвёрки. Мама некоторое время жила с его отцом – хроническим алкоголиком, потом выгнала его, но сыну это не помогло – дефект, видимо, врождённый.

Девочка Мария живёт с мамой и отчимом, приехала недавно, учится хорошо. Отчим пьёт в меру, когда-то отсидел за грабёж, появился в родной деревне из-за того, что на прежнем месте проживания снова что-то по-крупному украл и скрылся.

Таким образом, из 14 человек, самая светлая голова у мальчика Петра, который потерял родителей в результате несчастного случая. И, вероятнее всего, алкоголиками они не были. Проблемы наследственности, в том числе и плохой, имеют решающее значение, когда речь заходит о психологических особенностях ребёнка – памяти и вниманию, ведь на двух этих свойствах и построена вся учёба. Не вдаваясь в физиологию и говоря образным языком, память – это некие тропы или даже дороги, проби-

125

тые между нейронами, клетками коры головного мозга. Или, если хотите, бороздки, прожжённые лазером на диске. Память избирательна: если человеку по генам передано запоминать стихи и он их в детстве и юности учит, тропы превращаются в дороги. Если он на много лет прекращает заниматься стихами, тропы зарастают, но не совсем. Общее направление остаётся навсегда: стоит только повторить – и тропа свободна. У многих детей в силу алкоголизма их родителей не намётаны вообще никакие тропки, то есть памяти нет. В 9-м классе училась девочка, которая так и говорила о себе и своей подруге: «Что вы с нами мучаетесь? Вы можете понять, что мы дуры?». Приходилось что-то придумывать и доказывать им, что это не так. Проблемы внимания не менее важны, чем проблемы памяти. Чтобы быть внимательным, ребёнок должен научиться усилием воли отодвигать в сторону все иные раздражители, кроме источника информации. Этому он учится у взрослых – а много ли волевых качеств можно почерпнуть у пьющих?

Дети не желают учиться ещё и потому, что окружающие их взрослые практически никогда не говорят им ни о чём, кроме как о материальной стороне дела. Родители неправильно мотивируют детей: «Вы должны учиться, чтобы найти лёгкую работу» (то есть при наименьших затратах получить наивысший результат). Чудовищная мысль – тратить энергию в детстве, чтобы бездельничать всю жизнь. Мало того, иные напутствуют так: «Учись, станешь таможенником, чиновником, налоговиком – и будешь брать взятки».

Не то родители говорят. Формулировка должна быть иная. «Учись, чтобы быть сильным» – например. Когда по телевизору берут интервью у очередного футболиста (а он, бедный, двух слов связать не может), позовите ребёнка, покажите это убожество, объясните, почему сборная проигрывает. Да потому что думать эти мальчики не умеют – и говорить тоже. Кто не умеет думать, тот всегда проигрывает, в том числе и в спорте. Мы каждый день должны доказывать ребёнку, что человек не есть сумма мышц, человек – это его мозг и его речь, а сила человека не в кулаках, а в слове. Помните у Маяковского: «Слово – полководец человеческой силы». А думать – это значит искать, сомневаться, мучиться: никогда и ничего не даётся человеку в готовом виде. Умные американцы сняли фильм о терминаторе, в

финале которого тупая машина, созданная для убийства, начала проявлять человеческие качества, сомневаться – программа велит: «Убей», а сбой программы требует: «Оставь в живых». Человек всегда будет выше любого компьютера, потому что он сам и есть сбой программы. Свою программу мы создаём сами, она нам не дана в готовом виде, как скворцу или крокодилу. Каждый человек – сам себе программист, только вот вкладывает он в свою программу то, что слышит и видит вокруг.

Мы должны доказывать детям, что учёба – это не путь к безделью, к лёгкой и безбедной жизни. Учёба – это акт творчества, когда из ничего создаётся нечто, то есть происходит чудо. Любая теорема в геометрии – обыкновенное чудо, каждая русская пословица – откровение. Учёба ценна сама по себе, её не надо привязывать к прагматическим результатам.

Всё это уже давно известно. Иисус говорил в Нагорной проповеди своим ученикам: «Не нужно заботиться о хлебе насущном, нужно думать о душе»*.

Говоря языком современным, человек, наделённый высокоразвитым интеллектом (на своём уровне) и положительными нравственными качествами (в сумме, наверное, это и есть душа), накормит и себя, и свою семью, и труд ему будет не в тягость. Наоборот, работать ему интересно, и вечно он будет что-то придумывать, чтобы сделать больше, быстрее.

Напротив, индивид, взращённый в другой системе ценностей: «Учись, чтобы найти высокооплачиваемую работу, работай, чтобы быть богаче, чем другой, бери взятки, потому что все берут», будет внутренне презирать себя за всё это, ненавидеть свой труд, делать его как попало, пьянствовать, угнетать семью – и в конечном итоге разрушит и себя, и всё вокруг.

Таким образом, огромное влияние на мотивацию детей оказывает система ценностей окружающих их взрослых.

Система ценностей, совершенно противоположная христианским канонам, сложилась как минимум лет пятьдесят назад, и революционные преобразования 1990-х годов лишь усилили эту тенденцию. В фильме «Берегись автомобиля» Юрий Деточкин угонял машину у мошенников, «умеющих жить». Это очень показательная фраза. В то время она обозначала человека, умевшего обогащаться, нарушая

* Евангелие от Матфея.

закон и не неся за это ответственности. В другом фильме 1970-х один из героев пожелал своему недругу: «Чтоб ты жил на одну зарплату». В эти же годы приобрела популярность поговорка «дурака работа любит». В обществе накануне так называемой перестройки произошла странная метаморфоза: честный труженик, «не умеющий жить», считался кретином, а ловкач-мошенник – нормальным человеком. То же самое происходило в школах: отличников открыто презирали, а неучами с крепкими кулаками восхищались.

Это явление отметил в аллегорической форме В. Высоцкий в песне о правде и лжи. Они поменялись одеждой, и на важнейший вопрос морали «Где правда, а где ложь?» – стало невозможно ответить. Ведь правда, чтобы вернуть одежду, должна была её похитить у лжи, становясь при этом ложью.

Общество с вывернутой наизнанку моралью ринулось в реформы, изменило многое внутри себя, но ситуация в нравственности изменилась мало: ловкий делец богат и известен, честный труженик нищ и презираем. Стоящее на подобных моральных основаниях общество обречено на перманентный кризис. Разумеется, под понятием «честный труженик» нужно понимать не какой-то класс или прослойку, а человека с системой ценностей, близкой к христианской. Встречаются честные бизнесмены, чиновники, не берущие взяток, полицейские, идущие под бандитские пули, политики, которым не безразличен народ. С другой стороны, в обществе хватает строителей-халтурщиков, рабочих-бракоделов, фермеров, выдающих непонятную жидкость за молоко. Дело вовсе не в социальном статусе и классовой принадлежности. Просто напросто люди с высокими моральными качествами в материальном плане всегда живут хуже, чем подлецы, и это лишает смысла любую деятельность, в том числе и учебную.

Можно сформулировать даже некий лозунг: «Хочешь жить бедно – живи честно». Родителям современных школьников – от 30 до 40 лет, многие из них в детстве впитали в себя вывернутые моральные нормы. Одним из проявлений данного обстоятельства является знаменитая фраза: «В этой школе плохо учат». Понять эту сентенцию сложно, но попытаемся. Можно плохо одеваться, плохо залить фундамент, оставив пустоты, плохо накормить скот, то есть взять хороший исходный материал и испортить своей безала-

берностью: например, пропить цемент или фуражную муку. В школе учитель работает с тем материалом, который может быть либо испорчен изначально (к примеру, ребёнок зачат в пьяном виде), либо ребёнку в дошкольном, самом важном, возрасте привили ложные ценности, избаловали или, наоборот, забили. Каких мучений стоит учителю начальных классов научить детей просто читать – это подвиг, по-другому и назвать нельзя. Затраты энергии учителя первого класса за один урок чтения колоссальны. Учителям начальной школы давно пора поставить памятник. Родители почему-то не понимают, что мозг ребёнка – это не шкаф, в который что-то можно вложить со стороны. Наоборот, ребёнок наполняет мозг по своему собственному разумению, внимательно наблюдая за родителями со стороны и вслушиваясь в то, что они говорят ему и другим людям.

Если человека снять скрытой камерой и показать ему, он, во-первых, себя не сразу узнает, а во-вторых, может ужаснуться или, наоборот, останется доволен увиденным. Ребёнок – это бесперебойно работающая скрытая камера, и из того материала, что он наснимал, наблюдая за нами, он и составит программу своей жизни. Ужасаться же потом или восторгаться – это уже зависит от реалий жизни взрослых людей, окружавших ребёнка первые 18 лет его жизни, и той генетической программы, которую он получил в наследство за последние несколько веков. Совершенно прав был афорист, сказавший, что о воспитании ребёнка нужно думать за 100 лет до его рождения. Здесь нет и доли юмора. Любой безграмотный крестьянин в XIX веке понимал: прежде чем отдать дочь замуж или женить сына, надо собрать информацию хотя бы до третьего колена о будущих родственниках (а это и есть 100 лет). Аристократия, благодаря веками отслеженной генеалогии, поступала ещё категоричнее: они думали о своих детях за 200–300–500 лет до их рождения. Наши предки считали брак такой серьёзной вещью, что родители не пускали всё это на самотёк и, принимая волевое решение о браке своих детей, говорили «стерпится, слюбится», прекрасно понимая, что человек в 16–20 лет просто не в состоянии сделать адекватный выбор. Обычное сексуальное влечение молодого человека может со временем превратиться в любовь, а может и нет – тогда придётся терпеть. Но в лю-

127

бом случае рождённых детей бросить уже нельзя, так как церковный брак невозможно расторгнуть.

Выше уже была названа цифра: 270 суток чистого времени проводит школьник в контакте с учителем. Если кого-то не устраивает ночь, уберём и получим 540 дней или полтора года. Сломает очередной стереотип: не девять лет учится в школе человек, а полтора. А с родителями и воспитателями ещё до школы ребёнок общается шесть лет, то есть в три раза больше. Не очень понятно, почему за шесть лет нельзя выучить 33 буквы и 10 цифр: отбросим первые два, пусть за четыре года – по 8 букв и 2 цифры в год. Далее. С 1-го по 9-й класс учащийся общается с учителем от 4 до 6 часов в день, остальные 18–20 часов он вбирает в себя информацию из других источников: от родителей, друзей, из СМИ, интернета.

Вывод: за время обучения в основной школе ребёнок общается с учителями 4,6 процента времени, а с родителями, лицами их заменяющими, друзьями, и т. д. – 95,4 процента времени. Учитывая кружки, секции, мероприятия, возьмем соотношение 10 к 90 процентам.

Так кто же плохо учит?

Исключительно важна роль первых пяти-шести лет жизни человека, и это известно уже давно. В это время ребёнок «набирает» словарный запас (если есть такая возможность, он может усвоить и несколько языков), осознает свою этническую принадлежность, начинает понимать, что в этом мире считается хорошим, а что плохим. То есть в первый класс приходит уже сложившийся человек, и его малый рост и забавная внешность ничего не значат, в голове его уже многое расставлено по своим местам. И если расставлено плохо и неправильно, то сделать с этим ничего нельзя – поздно.

В этой связи нельзя не вспомнить про такое явление нашей жизни, как детский сад. Данное учреждение, придуманное социалистом-утопистом Робертом Оуэном ещё в XIX веке, очень пригостило в советский период нашей истории, когда «освобождённая» от власти мужчины советская женщина должна была не только рожать и растить детей, но и одновременно с этим доить коров в колхозах и совхозах, таскать шпалы и рельсы в железнодорожных бригадах, работать в адском шуме текстильных фабрик, стоять в очередях за едой и так далее. Если учесть при этом, что в самый либеральный период советской истории – брежневский – де-

кретный отпуск женщины составлял два месяца, то можно совершенно чётко сформулировать следующую мысль: 70 лет советской власти – это череда бесконечных изощрённых издевательств над женщиной-матерью и её ребёнком. Любить ребёнка – значит общаться с ним, разговаривать обо всём на свете, отвечать на его бесконечные вопросы. Но любить своих собственных детей, по сути, не разрешалось, их положено было сдавать в казённое учреждение, в котором ребёнку было плохо, но он призывал. Если говорить о пополнении словарного запаса, о формировании речевых механизмов, детский сад проигрывает маме по всем статьям – один воспитатель на 20–30 детей не в состоянии общаться со всеми в той мере, в которой это необходимо.

В результате каждое следующее поколение в первые, самые важные годы жизни недополучало материнской любви, общения с родителями и с избытком впитывало в себя атмосферу грубых окриков, казармы, бранных слов, бестолковой толкотни, однообразной еды и элементарного отсутствия тишины.

Прогнав через детские сады почти весь народ, власть заложила под общество бомбу замедленного действия. Одна из причин современной безнравственности, жестокости и вопиющего невежества – экономическая традиция, пришедшая из советских времён: среднестатистический мужчина не может содержать на свою зарплату жену и детей, женщине приходится работать, а у ребёнка в результате отнимают детство со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Разговор о социально-психологических особенностях речи и сознания современного школьника, казалось бы, неожиданно вывел нас на совершенно другие проблемы: мотивацию к учёбе, наличие ложной системы ценностей у взрослых, недостаток внимания к ребёнку в дошкольном возрасте, алкоголизацию общества – но ничего странного и удивительного в этом нет. Дело в том, что источником всех без исключения современных общественных проблем является бездуховность, внутренняя ненаполненность человеческого индивида. Российское общество в XX – начале XXI века оказалось между молотом атеизма и наковальней золотого тельца. Как совершенно справедливо отметил современный азербайджанский писатель Чингиз Абдуллаев, «в 1917 году мы отказались от Бога, а в 1991 – от совести».

128

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и великая степь. М.: Э, 2016. 736 с.

Зиновьев А. А. Зияющие высоты // Октябрь. 1991. № 1–3.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах. М.: Русский язык, 2002.

Евангелие от Матфея, Марка, Луки, Иоанна. М., 1915. 232 с.

Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М., 1976.

Пушкин А. С. Лирика. М., 1985. 336 с.

Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. М., 1989.

Оруэлл Д. 1984. М., 2014. 275 с.

Маяковский В. В. Лирика. М., 1983.

Прокопьевский район, с. Михайловка

Задача учителя в современной школе – борьба с внутренним убожеством, с узостью кругозора, с попытками превратить великий русский язык в жалкий набор междометий и жаргонизмов. Учитель обязан вести себя так и говорить так, чтобы детям в его присутствии было невыносимо стыдно за своё невежество. Только разбуженная Словом совесть способна вылепить из ребёнка человека. Совесть – это весть (то есть знание) о себе. В русском языке между словом «совесть» и словом «сознание» существует явно выраженная связь – это, по сути, синонимы. Материальная форма сознания – речь, слово. Круг замыкается. И в этом нет ничего странного, потому что уже несколько тысячелетий назад было сказано: «В начале было слово, и слово было – Бог».

Мы просто об этом забыли.

Писательский десант на разрез «Берёзовский», встреча с детьми